

ОСОБЕННОСТИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ШВЕДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В. М. Сапронова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 30 января 2018 г.

Аннотация: статья посвящена сопоставительному анализу систем неопределенных местоимений в шведском и русском языках. Рассматриваются особенности употреблений местоимений в текстах художественной литературы и способы их перевода, выявляется связь между неопределенными местоимениями и грамматическим строем языка.

Ключевые слова: неопределенное местоимение, неопределенный артикль, референтное употребление, нереферентное употребление.

Abstract: the article is dedicated to the comparative analysis of the Russian and Swedish systems of indefinite pronouns. It considers functional features of the pronouns in non-fiction literature and their translations and reveals the connection between indefinite pronouns and grammatical structure of the languages.

Key words: indefinite pronoun, indefinite article, referential use, non-referential use.

В шведском языке центральное место в системе неопределенных местоимений занимает многофункциональное местоимение *någon*, имеющее согласовательные формы среднего рода *något* и множественного числа *några*, а также его субстантивный дериватив *någonting* (что-то, что-нибудь). Местоимение *någon* может иметь как субстантивное, так и адъективное употребление; в форме среднего рода оно также употребляется в адвербиальной функции. Оно может быть как референтным, при указании на конкретные, реально существующие объекты, так и нереферентным – при их отсутствии. В зависимости от этого оно встречается в различных типах контекстов: в высказываниях, описывающих реальные события – при референтном употреблении, а также в нефактивных высказываниях – при нереферентном употреблении. Помимо этого, *någon* употребляется в ряде фразеологических словосочетаний с различной степенью устойчивости и в синтаксических конструкциях, где оно может утрачивать местоименное значение и становиться формальным опорным элементом. Все это делает шведское неопределенное местоимение уникальным языковым элементом, который выполняет разнообразные семантические и формальные функции [1, с. 249–250].

Напротив, в русском языке имеется развитая система неопределенных местоимений с различной морфологической структурой и семантикой, при этом местоимения с разными морфологическими характе-

ристиками объединяются по типу выражаемой ими неопределенности: местоимения с компонентом *-то* указывают на неизвестный говорящему и слушающему, но конкретный референт (*кто-то*, *что-то*, *какой-то*, *как-то*), местоимения с компонентом *-нибудь* и *-либо* не подразумевают наличие реально существующего референта (*кто-нибудь*, *что-нибудь*, *какой-нибудь*, *как-нибудь*, *кто-либо*, *что-либо*, *какой-либо*, *как-либо*), местоимения с префиксом *кое-* обозначают конкретный референт, известный говорящему, но не известный слушающему (*кое-кто*, *кое-что*, *кое-какой*, *кое-как*).

Таким образом, системы неопределенных местоимений существенно отличаются по объему. Анализ оригинальных текстов художественной литературы и их художественных переводов показал, что они отличаются также своими функциональными особенностями.

Обращает на себя внимание, что шведское местоимение *någon* употребляется в 2–3 раза реже, чем неопределенные местоимения в русском языке. Так, в объемном тексте романа М. Аксельссон «Апрельская ведьма», эмоциональной фантастической повести о судьбах четырех сестер, встретилось всего около 150 случаев употребления *någon*, в то время как в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» имеется 400 примеров с неопределенными местоимениями. Можно предположить, что системно-структурные различия шведских и русских местоимений находят отражение в характере и степени их употребительности.

Русские неопределенные местоимения играют ключевую роль и занимают центральное место в функционально-семантическом поле неопределенности. В силу того, что русский язык относится к безартиклевым и в нем отсутствуют грамматические показатели неопределенности, местоимения являются лексическим центром поля, состоящим из местоименных детерминативов [2, с. 244]. В связи с этим функционально-семантический потенциал неопределенных местоимений значительно расширяется. В шведском языке основным средством выражения неопределенности референта является неопределенный артикль *en/ett*. Он используется для ввода новой информации, при этом обозначает неизвестность в первую очередь для слушающего в основном в высказываниях реальной модальности, заменяя собой референтные неопределенные местоимения в адъективной функции со значением отсутствия информации о референте. Поэтому при сопоставлении шведских и русских текстов бросается в глаза, что *någon* редко употребляется адъективно для выражения неопределенности референта. Показательно, что в романе «Апрельская ведьма» на 65 высказываний с *någon* в референтной функции в субстантивном употреблении приходится только 2 случая адъективного употребления местоимения (при этом не учитываются адъективные употребления в различных устойчивых словосочетаниях):

Han gjorde möblerna åt någon småunge”, sa Margareta förklarande. – Он делал мебель для какого-то малыша, – объяснила Маргарета.

Det är någon jävel som har snott min plånbok, men jag har pengar hemma och jag lovar att jag ska skicka betalningen så fort jag kommer hem. – Какой-то мерзвец стащил мой кошелек, но у меня есть деньги дома, я обещаю, что отправлю оплату, как только вернусь домой.

В обоих примерах местоимение употребляется в адъективной функции с оттенком отсутствия у субъекта речи информации о референте. Во втором случае содержится ярко выраженная пейоративная оценка; возможно, при отсутствии негативной коннотации могло быть употреблено местоимение *någon* в субстантивной функции (*någon har snott min plånbok*).

В романе П. У. Энkvиста «Визит лейб-медика» при том же количестве субстантивных употреблений *någon* встретилось всего одно употребление в адъективной функции с оттенком отсутствия информации:

Resan skulle fortsätta och fortsätta; och det fanns säkert något mål. – Поездка все продолжалась и продолжалась, и у этого была, конечно же, какая-то цель.

Вместе с тем, анализ структуры употреблений неопределенных местоимений в русских текстах показал примерно одинаковое соотношение субстантивных и адъективных форм. В частности, в неболь-

шом романе В. Пелевина «Омон Ра» *кто-то* употребляется 10 раз, *что-то* – 36 раз, *какой-то* – 42 раза. В «Мастере и Маргарите» *кто-то* и *что-то* встречается в общей сложности 118 раз, а *какой-то* – 143 раза.

Статистические данные сопоставительного анализа свидетельствуют не просто об огромном разрыве в употреблении *någon* в субстантивной и адъективной формах, а о том, что в своем основном значении – значении неизвестности, отсутствия информации о референте – *någon* практически не употребляется адъективно. Это связано с наличием неопределенного артикля *en/ett*, который используется для ввода новой информации. Поэтому очень часто русское референтное местоименное прилагательное *какой-то* переводится на шведский именно с помощью неопределенного артикля:

Тогда Ирину вызвали на какое-то важное деловое свидание, и она оставила Тишорт в мастерской часа на три <...> (Л. Улицкая). – Den gången måste Irina gå på ett viktigt affärsmöte och lämnade Teeshirt i ateljén för några timmar¹.

Долетела музыка – это был какой-то марш; он был еле слышен, и его почти забивал раздававшийся в трубке треск (В. Пелевин). – Sedan hördes det svaga ljudet av en marsch som nästan drunknade i hörlurens knaster.

Артикль может быть соотнесен только с *någon* в адъективной функции, поскольку оба слова употребляются в составе именных групп, являясь их актуализаторами, в то время как *någon* в субстантивной функции является «чистым» актуализатором [3, с. 85] и употребляется только самостоятельно. Именно этим можно объяснить активное употребление *någon* в субстантивной функции, в то время как в адъективной функции оно практически не встречается. Напротив, нереперентное местоименное прилагательное *какой-нибудь*, которое употребляется в нефактивных высказываниях, в большинстве случаев переводится на шведский язык с помощью *någon* в адъективной функции. Это связано с тем, что, в отличие от высказываний реальной модальности, где предпочтительно употребление неопределенного артикля, в нефактивных гипотетических высказываниях в сочетании с существительными *någon* употребляется в основном адъективно, при этом местоимение утрачивает собственно лексическое значение и становится формальным элементом, указывающим на то, что высказывание находится в рамках нереальной модальности:

И здесь не какая-нибудь любовь-морковь, а дело серьезное (Л. Улицкая). – Och här var det inte fråga om någon dussinromans utan om allvarliga avsikter.

В то же время при переводе русских местоименных прилагательных на шведский язык может испол-

¹ При переводе с русского на шведский приводится авторский перевод.

зоваться местоименное фразеологическое словосочетание *något slags* (какой-то, что-то вроде, похожий на). Оно может употребляться с различными семантическими оттенками неопределенности, в том числе с оттенком отсутствия информации о референте:

Про супругу Берлиоза рассказывали, что будто бы ее видели в Харькове с каким-то балетмейстером <...> (М. Булгаков). – Om Berlioz' hustru hette det att hon iakttagits tillsammans med *något slags balettmästare* i Charkov;

или с оттенком неточности номинации:

Он двигался внутри какого-то черно-белого фильма, только черное не было вполне черным, а белое – белым (В. Пелевин). – Han rörde sig inne i *något slags svartvit film* där det svarta ändå inte var helt svart och det vita inte helt vitt.

Говорящий, очевидно, не находился внутри фильма, однако его ощущения были на это похожи. Тем не менее употребление местоименного словосочетания, как и *någon* в адъективной референтной функции, не является столь частотным: в романах М. Аксельссон «Апрельская ведьма» и К. Масетти «Парень с соседней могилы» *något slags* встречается только по одному разу.

Сопоставление русских текстов и их художественных переводов на шведский язык дает дополнительные возможности для анализа. Так, при переводе романа «Омон Ра» местоимение *какой-то* переводится на шведский язык при помощи неопределенного артикля только 10 раз из 42. Это контексты референтного использования местоимения со значением неизвестности, в которых используется шведский артикль для ввода новой информации, в то время как в русском языке употребляется местоименное прилагательное *какой-то*. Вместе с тем в 20 случаях использования местоимения *какой-то* оно не находит отражения в переводе. В частности, это наблюдается в тех случаях, когда оно употребляется в сочетании с существительными во множественном числе, поскольку в шведском языке неопределенность существительных во множественном числе выражается нулевым артиклем. Однако в ряде случаев высказывания с неопределенным местоимением при переводе трансформируются, что не всегда можно объяснить грамматическими различиями двух языков. В таких случаях неопределенное местоимение *какой-то* употребляется, как правило, в составе именных словосочетаний с прилагательным и существительным, т. е., по сути, речь идет о неопределенности признака, а не о неизвестности референта:

Это был голос Митька, но какой-то странный, будто к его голосовым связкам вместо легких подключили кузнечные мехи, он говорил легко и певуче, все время на выдохе (В. Пелевин). – Det var Mitioks röst, men *den lät så underlig*, precis som om han haft en

blåsbälg kopplad till stämbanden istället för lungorna [букв.: это был голос Митька, но он звучал очень странно <...>].

Заголовки статей пугали какой-то ледяной нечеловеческой бодростью и силой <...> (В. Пелевин). – Artiklarnas rubriker skrämde mig med *sin iskallt omänskliga hurtighet och kraft*.

Особенно показательным и интересным в этом плане является художественный перевод подобных предложений из романа «Мастер и Маргарита»:

Рот какой-то кривой. – Munnen var *en smula sned* [букв.: рот был немного кривой].

Какая-то нелепая постановка вопроса... – Vilket löjligt sätt att ställa frågan... [букв.: какой нелепый способ задавать вопрос].

Так вот, необходимо принять меры, а то получается какая-то неприятная чепуха. – Det var nödvändigt att vidta åtgärder annars kunde *vad som helst* hända [букв.: было необходимо принять меры, иначе могло случиться что угодно].

Во всех рассмотренных примерах возникают прагматические оттенки отношения автора речи к происходящему: удивление, недоумение, непонимание, неприятие. И все эти оттенки во многом утрачиваются при переводе. В русском языке такие высказывания создают общий контекст неопределенности. Н. Д. Арутюнова отмечала, что обилие неопределенных местоимений в подобных употреблениях является важной характеристикой русского дискурса, свойственной как устной, так и письменной речи. Неопределенные местоимения в признаковом значении часто возникают при спонтанном, неожиданном развитии событий, сложно поддающихся описанию, при отклонении признака от нормы, неопределенности значения характеризуемого прилагательного; неопределенные местоимения – это знаки невыраженных и невыразимых смысловых компонентов: нескрытых причин событий, неясных мотивов поступков, неопределимых и неопределенных вариантов признаков, следы действия неведомых сил [4, с. 187]. Именно такие употребления не находят отражения в шведских переводах. Поэтому в целом на более чем 400 случаях употребления неопределенных местоимений в русском оригинале приходится только 100 примеров в шведском переводе. Анализ показывает, что в основном в переводе используется *någon* в субстантивном употреблении с семантическим оттенком отсутствия информации о референте у субъекта речи; в таких случаях местоимение выражает «объективную» неопределенность, возникшую в силу внешних обстоятельств и не может быть замечено на неопределенный артикль.

Таким образом, различия в употреблении неопределенных местоимений в шведском и русском языках обусловлены рядом факторов. В первую очередь это

связано с существованием артикля, который употребляется для ввода новой информации. Однако помимо этого можно предположить, что шведская языковая система не допускает или, как минимум, «не приветствует» избыточное употребление неопределенных местоимений. Восприятие перегруженного ими текста может быть затруднено, а сами местоимения будут выглядеть неестественно. Это дает основания предположить, что шведский язык тяготеет к большей детализации и конкретности выражения и при этом меньшей эмоциональности, проявлением которой можно считать употребление адъективных местоимений в сочетании с прилагательными. Сопоставительный анализ оригиналов художественных текстов и их художественных переводов со шведского на русский и с русского на шведский показал, что употребление неопределенных местоимений в шведском языке является оправданным в том случае, когда они выражают неопределенность, возникшую в силу внешних обстоятельств, реализующуюся в отсутствии информации о референте. Для русского языка, напротив, характерно большое разнообразие неопределенных местоимений и связанная с этим возможность выражать тонкие смысловые нюансы разными лексемами. При этом активное употребление местоимений, выражающих «признаковую неопределенность», также говорит о стремлении к общей неопределенности плана выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Haspelmath M.* Indefinite pronouns / М. Haspelmath. – N. Y., 2004. – 364 p.
2. Теория функциональной грамматики : Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Сапронова В. М., соискатель кафедры германской и кельтской филологии

E-mail: e-29varvara@yandex.ru

Тел.: 8-910-424-39-24

высказывания. Определенность / неопределенность / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб., 1992. – 304 с.

3. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М., 1985. – 271 с.

4. *Арутюнова Н. Д.* Неопределенность признака в русском дискурсе / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М., 1995. – С. 182–188.

ИСТОЧНИКИ

1. *Axellson Majgull.* Aprilhäxan / Majgull Axellson. – Stockholm, 2004. – 424 s.

2. *Bulgakov Mikhail.* Mästaren och Margarita / Mikhail Bulgakov ; översättning av Lars Erik Blomqvist. – Stockholm, 2010. – 267 s.

3. *Enquist Per Olof.* Livläkarens besök / Per Olof Enquist. – Stockholm, 1999. – 388 s.

4. *Mazetti Katarina.* Grabben vid graven bredvid / Katarina Mazetti. – Stockholm, 1998. – 189 s.

5. *Pelevin Viktor.* Omon Ra / Viktor Pelevin. – Stockholm, 1999. – 166 s.

6. *Ulitskaja Ljudmila.* En munter begravning / Ljudmila Ulitskaja ; översättning av Kristina Rotkirch. – Stockholm, 2007. – 205 s.

7. *Аксельссон М.* Апрельская ведьма / М. Аксельссон ; пер. Е. Чевкиной. – М., 2002. – 611 с.

8. *Булгаков М.* Белая гвардия. Повести. Мастер и Маргарита / М. Булгаков. – Л., 1989. – 768 с.

9. *Пелевин В.* Омон Ра / В. Пелевин. – М., 2015. – 160 с.

10. *Улицкая Л.* Веселые похороны / Л. Улицкая. – М., 2013. – 226 с.

11. Энkvист Пер Улоф. Визит Лейб-медика / Пер Улоф Энkvист ; пер. А. Савицкой. – СПб., 2004. – 416 с.

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Sapronova V. M., Post-graduate Student of the Germanic Linguistics Department*

E-mail: e-29varvara@yandex.ru

Tel.: 8-910-424-39-24